

Ю. А. Гурская

ЯВЛЕНИЕ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ В ДРЕВНЕЙ ОНИМИИ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Рассматривается явление трансонимизации в балтийских и славянских языках. Установлено, что в основе формирования и развития древней онимии лежит широкое и разноплановое взаимодействие ономастических макроконцептов — антропонимического концепта «человек» и топонимического концепта «пространство», что проявляется в многоаспектной трансонимизации разных разрядов древних имен. Древние имена и их компоненты находят продолжение в современных фамилиях, представленных в онимических системах родственных языков

Ключевые слова: ономастика, трансонимизация, антропонимия, топонимия, этнонимия, имя собственное.

Yu. Gurskaya

The Phenomenon of Transonymisation in Baltic and Slavonic Languages' Ancient Onymy

The article deals with the phenomena of transonymisation in Baltic and Slavonic languages. It is argued that the basis for the formation and development of ancient onyms is broad and diversified interaction of onomastic macro concepts - anthroponymic concept of the person and toponymic concept of space, which is manifested in various categories of versatile transonymisation of ancient names. The ancient names and their components can be found in modern family names represented in onomastic systems of the related languages.

Keywords: onomastics, transonymisation, anthroponymy, toponymy, ethnonymy, proper name.

Явление трансонимизации исследователи относят к онимическим универсалиям [18]. Согласно Н. В. Подольской, трансонимизация представляет собой «переход онима одного разряда в другой» [10, с. 138], что является проявлением динамики ономастического поля [12, с. 9].

Несмотря на то, что трансонимизация как способ пополнения онимной лексики, как ономастическая универсалия уже стала предметом исследования ученых, взаимодействие разных разрядов древних имен собственных остается малоизученным.

В этом аспекте в большей степени исследованы связи онимов в сфере топонимии (Х. Крае, В. П. Шмид, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Е. С. Отин и др.). Анализируя древнюю гидронимию, немецкий исследователь Х. Крае пришел к выводу, что на территории, которую когда-то занимали

германские, кельтские, италийские (с венетским), иллирийские и балтийские племена, распространены общие по форме и по происхождению так называемые «древнеевропейские» гидронимы, возникновение которых относится ко второй половине II тысячелетия до н. э. [22, с. 49–64]. Практически это значит признание существования соответствующих по форме гидронимов, расположенных в разных частях европейского континента [16, с. 129–140].

Языковеды, которые занимались изучением балтийской гидронимии и этнонимии, отмечали архаичность этого пласта лексики и его близость к праиндоевропейскому состоянию [23, р. 58]. Согласно немецкому языковеду В. П. Шмиду, в балтийском ареале в большей степени выражена концентрация и непрерывность древнеевропейской гидронимии [27, с. 1–18].

По мнению исследователей, древние гидронимы часто становились производящей базой для других разрядов имен собственных. В частности, литовские языковеды З. Зинкявичюс, К. Кузавинис отмечают, что для балтийских языков характерно развитие модели: гидроним → топоним (название края) или хороним → этноним, вследствие чего этноним часто образуется от самих гидронимических основ без каких-либо специальных словообразовательных суффиксов [31, p. 187]. Как указывает К. Кузавинис, по модели гидроним → топоним от соответствующих гидронимов возникли макротопонимы: Neromaa (*Nerava), Lietuva (Lietava), Latvija (Latva), Aistija (Aista), Prūsja (*Prūsa), Kuršas (*Kurša), Sēla, Jotva, Sūduva (Sūdava), Skalva (Skalava), Dainava, Notanga (Natangija), Deltuva, Barta и др. [7, с. 86]. Данная традиционная точка зрения принимается большинством исследователей [7; 13; 31 и др.]*.

В. Н. Топоров обратил внимание на то, что в топонимических системах балтийских языков наименования реки и прилегающего пространства мотивируют и предопределяют обозначение населенных пунктов и всей соответствующей страны-пространства, а оно в большинстве случаев вызывает к жизни обозначение населения указанного пространства [13, с. 226]. Синкретическое представление различных семантических признаков, когда в одном этнониме совмещалось указание на народ и на территорию его проживания, был известен также в древнерусском языке [9, с. 174]. При этом пересечение нескольких онимических рядов исследователи считают показателем архаичности соответствующих единиц [16, с. 132].

Таким образом, при образовании древней онимии выявляются пространственные ассоциации по смежности, вследствие чего взаимодействие онимических лексем осуществляется на основе метонимии. Импульсом развертывания метонимических связей в древнейшем слое индоевропейской они-

мии, по мнению многих исследователей, является гидроним, который во многих лингвокультурах организует жизненно-актуальный уровень пространства радиального типа в силу особой значимости концепта *вода* как важнейшей бытийной ценности [3, с. 95].

Особый интерес представляет тот факт, что контактный перенос гидроним → топоним → этноним находит продолжение в другом разряде имен собственных — древней антропонимии, что актуализирует взаимосвязь важнейших категорий *человек* и *пространство*.

Рассмотрим некоторые аспекты трансформации древних имен собственных в контексте онимии европейского ареала.

Этнонимия. *Эстии* — название балтийского племени айстиев, упоминаемое Тацитом (*Aestiorum gentes*). По мнению К. Буга, название *Aesti*, *Aestiorum gentes*, начиная с Тацита, обозначало до IX века пруссов. Близкими соседями айстов, славян и готов, которые находились в низовье Повисленья и на побережье, Птоломей и Тацит считают финнов. Согласно данной гипотезе, общий этноним *айстии* использовался в более поздние века германскими племенами применительно ко всем обитателям восточного побережья Балтийского моря. Впоследствии данный этноним был перенесен германцами на финнов, живущих под властью айстиев (пруссков), и в настоящее время окончательно закрепился за современными эстонцами [21, т. 3, p. 124]. Дискуссия о происхождении этнонима остается открытой (краткий обзор основных интерпретаций этнонима см. в работе [2, с. 59–60]).

Гидронимия. Компонент *Ais-/Eis-* широко представлен в древнеевропейской гидронимии. Исследователи выделяют древнеевропейско-балтскую гидронимическую параллель: др.-евр. *Eisa* — балт. *Aisė*, ср. лит. *Aisė*, *Ais-t-à*, *Aisetà*, *Aisetas*; лат. *Aiša*, *Aišāte*; др.-прусск. *Ayssen* [29, p. 36, 100]; лит. *Eisit* □ *ėžeras* [21, т. 1, p. 503].

Топонимия: лит. *Aisėnai*, *Aistiškiai* [25, p. 3]. Согласно П. Дини, этноним *Aesti* (лит.

aiscīai) имеет параллели также в топонимах венецкого происхождения: *Ad-estae*, *At-este* [2, с. 140].

Антропонимия. Компонент *Aīs-(Eis-)* зафиксирован в первом элементе 17 древних двучленных антропонимов балтийского происхождения: *Aīs-mantas*, *Aīs-mentas*, *Aīs-muntas*, *Eīs-i-mantas*, *Eīš-i-mantas*, *Eīs-manas*, *Aīs-mīntas*, *Eīs-minas*, *Eīs-mīntas*, *Aīš-paras*, *Aīš-poras*, *Eīs-kantas*, *Eīs-valdas*, *Eīs-vinas*; *Eīs-vydas*, *Eīš-vidas*, *Eīš-vydas* [30, р. 73, 86].

Отметим антропонимические параллели: др.-прусск. *Ey-mant* [28, s. 27]; лит. *Eis-i-mont-as*, *Eīs-mant-as*, *Es-mant-as* [24, т. 1, р. 568]; польск. *Eis-mont*, *Ejs-mond*, *Ejs-mont*, *Eys-i-mont*, *Eys-montt*; *Eys-y-mont* [26, Т. 1, с. 178]; бел. *Эйсмант*, *Есмант*, *Ешман*, *Эсмантовіч*; русск. *Ес-монт*, *Эйс-монт* [15, с. 278].

Ойконимия. На территории Литвы и Беларуси зафиксированы ойконимы, образованные от древнего сложного антропонима *Эйс-монт* (*Эй-монт*), первый компонент которого коррелирует с балтийским этнонимом *айштиш*. В литовском языке данные антропоойконимы образованы с помощью формантов *-iškis*, *-iškiai*, а также путем плюрализации: *Ei-mant-aī*; *Ei-mant-iškis* [25, р. 72].

На территории Беларуси также представлены ойконимы модели *Pluralia tantum*, которые являются продолжением балтийского ареала: *Эйс-монты Большие*, *Эйс-монты Малые*, *Эйс-монты*. По мере удаления от балто-славянского пограничья структура топонимов изменяется: *Эйс-ы-монты* → *Эйс-монт-ы* → *Эсьмоны*; *Есьманово*; *Есьмановцы*.

При анализе так называемых «древнеевропейских» гидронимов исследователи указывают, что они уже не поддаются объяснению на материале какого-нибудь одного индоевропейского языка. Гидронимы с компонентом *Ais-* ученые связывают с и.-е. **eis-*/**ois-*/**is-* «быстро, мощно двигаться»; ср. др.-инд. *īṣyati* «двигаться, шевелиться», др.-

исл. *eisa* «быстро бежать, нестись», лит. *eīš-ena*: *eīti* «идти». Менее убедительной является соотнесение данных гидронимов с лит. *aisūs* «жалостный, горький» [29, р. 36].

Антропонимический компонент *Aīs-(Eis-)* литовские языковеды соотносят с рядом родственных слов, возникших на базе и.-е. корня **eis-*, ср. лит. *eīti* «идти», *jóti* «ехать (верхом)»; *eid-lus* «ходкий», *eig-a* «ходьба»; др.-прусск. *ēisei* «идти»; др.-исл. *eisa* «бежать вперед»; др.-инд. *yā* «идти, ходить, ехать», *yānas* «путь, дорога» [17, с. 73–74].

Существуют и другие интерпретации антропонима. Так, польский лингвист К. Рымут связывает данный антропоним с немецким двучленным именем *Eis-mont*, образованным на базе апеллятивов: *eis(en)* «железо», *munt* «защита» [26, Т. 1, с. 178].

Таким образом, компонент *Ais-/Eis-* представлен в гидронимии, топонимии, этнонимии и антропонимии. Фамилии с компонентом *Ais-/Eis-*, зафиксированные в балтийских и славянских языках, являются сложными именами, образованными по древнейшей индоевропейской модели.

Gudaī, gūdas. Среди древних балтийских этнонимов особую группу составляют имена с корнем *Гуд-*, который не имеет однозначного толкования. Как отмечают исследователи, важной особенностью данного этнонима является то, что он не приурочивается к какой-нибудь территории или народу, т. е. является как бы квазиэтнонимом. Но, с другой стороны, он имеет сходство с типичными этнонимами. В частности, в диалектах литовского языка лексема *gūdas* имеет значение «некрещеный младенец»; ср. лат. *krieviņš* «некрещеный младенец»; русск. диал. *лопь* «некрещеный младенец», вероятно, от *лопь* «саамы, лопари» [6, с. 7–8].

Согласно В. В. Иванову, В. Н. Топорову, инвариант значения литовского слова *gudaī* «не обладающий нашей истинной речью» реализуется в зависимости от ситуации: 1) нелитовцы — белорусы; (иногда) поляки и русские (ср. лат. *guds* «белорус; белорусский паромщик»); 2) носители одного из

двух основных этнолингвистических членений литовцев — аукштайты по отношению к жемайтам; внутри аукштайтов — восточные соседи по отношению к населению, обитающему западнее [5, с. 18].

Несмотря на то, что этноним *gudas* иногда употреблялся и по отношению к литовцам, он относился, прежде всего, к восточнославянскому населению исторической Литвы. С конца XIX века названия *gudai*, *Gudija* в литовском языке окончательно закрепляются за белорусами и Беларусью.

Анализ этнонимии является наиболее сложным, поскольку этнонимы относятся к древнейшим образованиям, которые пережили несколько языков, сменивших друг друга на определенной территории. Согласно самой распространенной точке зрения, этноним *gūdas* — заимствованное племенное название готов (ср. *Gothi*, *Gothones*, *Gutones* в античных источниках, др.-сканд. *Gotar*), которое впоследствии было перенесено на славян, находившихся в низовьях Вислы под властью готов. Как указывает К. Буга, *Gudas* первоначально не являлось настоящим именем славянина, так как имя *gudas* мы не можем отделить от названия германского племени *gutaz* (нем. *Gote*, русск. готъ). В литовском языке закрепилось название *gudas*, а не *gutas*, так как литовцы узнали это имя уже тогда, когда сами готы все еще говорили **ghudas*, т. е. до германского передвижения согласных, перед появлением т.н. «Lautverschiebung» [21, т. 3, р. 782–783].

Гидронимия и топонимия. Исследователи уже обращали внимание, что гидронимы и топонимы с корнем **Gud-* широко распространены на значительной территории Восточной и Юго-Восточной Европы, ср.: *Gdańsk/Danzig*, *Gdynia/Gdingen*, которым имеются соответствия в других славянских ареалах: *Гданск*, название правых притоков рек Иквы, Стыри и Припяти на Западной Украине, топонимы *Kdanice* и *Kdyně* в Чехии; бел. ойконим *Гдзень* < **Гьденъ* < **Gudēn-*; польск. *Gdów* (город в Восточной

Галиции), ср. русск. *Гдов*, др.-русс. *Гдовъ* (древний город на восточном берегу Чудского озера). Гидроним *Гдовъ*, давший название городу, считается балтийским по происхождению [6, с. 12–13].

Вследствие широкого географического распространения данных гидронимов и топонимов на широком пространстве в Восточной и Юго-восточной Европе (Литва, Беларусь, Россия, Украина, Польша, Чехия и др.) исследователи относят их к реликтам древнеевропейской гидронимии, образованным от и.-е. корня **gud-* в дославянский период [6, с. 12].

Данная основа широко представлена в сложных гидронимах и микротопонимах Литвы, отчасти — Латвии: *Gūd-grabė*, *Gūd-ravis*, *Gūd-intakis*, *Gud-mėšla*, *Gūd-a-balė*, *Gud-ā-karkliai*, *Gūd-a-lieknis*, *Gūd-a-trakis*; лат. *Gud-purvs* [29, р. 125–126]; лит. *Gud-ā-akmenis*: *akmuō* ‘камень’; *Gūd-a-kalnis*: *kálnas* ‘гора’, *Gūd-a-medis*: *mėdis* ‘дерево’, *Gūd-a-pievis*: *pieva* ‘луг’, *Gūd-a-raistis*: *raīstas* ‘болотистый лесок, кустарник’, *Gūd-laukis*: *laūkas* ‘поле’, *Gūd-miškė*: *mīškas* ‘лес’ [25, р. 94–95], ср. бел. топоним *Гудогай*.

Антропонимия. Антропооснова *Gud-* зафиксирована в 12 литовских сложных двучленных антропонимах индоевропейского типа, которые являются очень архаичными образованиями: *Gūd-vainas*, *Gud-vilas*, *Gūd-vinas*, *Gūd-mant-as*, *Gūd-mont-as*, *Gūd-i-gal-is*, *Gud-i-gáila*, *Gūd-i-gardas*, *Gūd-minas*, *Gūd-jonis*, *Gūd-jurg-is*. В качестве второго слога данный компонент выражен в антропониме *Ge-gudas* [24, т. 1, р. 738].

От основы *Гуд-* и фонетических вариантов *Гудз-/Gudz-*, выступающих в польском, белорусском и литовском языках, были образованы сходные по форме антропонимы прозвищного типа, общность которых связывается с вхождением данных территорий в состав Великого княжества Литовского. Фамилия *Gudzyel* и топонимы *Gudele*, *Gudojcie*, *Gudów* известны с XV века [20, с. 133–134]. В литовском,

белорусском и польском языках зафиксировано большое количество фамилий с формантами, имеющими различные стилистические коннотации:

1) лит. *Gūd-as*; бел. *Гуд, Гудзь*; польск. *Gud-as, Gud-aś, Gude, Gudo, Gudzio*; ср. русск. *Гуд-ов*;

2) с литовским деминутивным формантом *-el-is*: лит. *Gud-ėlis*; бел. *Гудзель*; польск. *Gudel, Gudell*; с литовским суффиксом *-alas*: *Gud-al-iáusk-as*;

3) с литовским формантом *-ait-is* (бел. *-ойць/-айць*; польск. *-ojc/-ajt*) в патронимическом значении: лит. *Gud-aitis, Gud(el)aitis, Gud-el-iáuskas*; бел. *Гуд-айціц, Гуд-айміц, Гуд-алайць, Гуд-ойць*; польск. *Gud-ojc, Gud-ajtyś, Gud-ajtiś, Gud-el-ajtyś*;

4) с патронимическими литовскими формантами *-ėn-as, -on-is*: лит. *Gud(el)iónis, Gud-ón-is, Gud-ėn-as*, ср. др.-прусс. *Gud-dene, Gudenyn* [28, s. 36–37]; бел. *Гудень, Гудзень*, польск. *Gudan, Gudanis, Gudanus, Gudań*;

5) с формантом *-in-is*: *Gūdinās, Gudynās, Gūdynās*;

6) с суффиксом *-eika, -eikis*, который в литовском языке выступает для наименования людей с пейоративным значением: лит. *Gud-ėika*, ср. др.-прусс. *Gudeike*; польск. *Gudejko*;

7) с формантом *-uk-as*, который в литовской антропонимии первоначально выполнял деминутивную функцию: лит. *Gudūkas*.

В белорусском и польском языках широко представлены также фамилии со славянскими формантами от основы Гуд-/Гудзь-: бел. *Гудаў, Гудвіловіч, Гудзелеў, Гудзілаў, Гудзялёў, Гудзелеўскі, Гудоўскі, Гудзінскі*; польск. *Gudelewski, Gudelin, Gudelski, Gudełajski, Gudanek, Gudaniec, Gudanowicz, Gudanowski, Gudański*. Некоторые из них повторно были заимствованы литовским языком: *Gud-āvičius; Gud-al-ėvič-ius, Gud-el-ėvič-ius, Gud-an-āvič-ius, Gud-á-us-k-as, Gud-on-āvič-ius, Gud-ul-ėvič-ius, Gud-el-sk-as, Gud-in-āvič-ius, Gudz-in-āvič-ius, Gudz-in-ėvič-ius, Gudz-ėvič-ius* [24, т. 1, р. 737–739].

Значительная часть современных белорусских фамилий с основой Гуд-/Гудзь-, оформленная литовскими и славянскими формантами, отражает фонетические черты белорусского языка: *Гудайціс, Гудалайць, Гудойць, Гудзель, Гудзень, Гудмонас, Гудзелеў, Гудзілаў, Гудзялёў, Гудзінскі, Гудзь*.

В русском языке зафиксированы фамилии с основой Гуд-, которые содержат литовские суффиксы: *Гудас, Гудайтис, Гуданис, Гудонис* [15, с. 277]. С рассматриваемым этнонимом могут быть связаны также русские фамилии *Гудашев, Гудин, Гудов*, которые исследователи обычно сопоставляют с апеллятивом *гудеть* ‘издавать гуд, урчание, протяжный звук’, либо с диал. *гудить* ‘порицать, хаять, осуждать, порочить’ [1, с. 143].

Согласно Л. Беднарчуку, фамилии с основой Гуд- восходят к прозвищу *Gudas*, которое в литовском языке мотивировано прилагательным *gudas* ‘природный, простой, заурядный’, что означает «простых людей», говорящих «обычным языком», под которыми чаще всего подразумевались белорусы. В целом прозвище *gudas* относилось к носителям белорусско-польского интердиалекта на Вилейщине [20, s. 133]. В пользу такой интерпретации свидетельствуют также данные лингвогеографии: многочисленные фамилии и топонимы с основой Гуд- локализируются в северо-западной части Беларуси в зоне древнейших балто-славянских этнических контактов.

На территории белорусско-литовского пограничья зафиксированы этнопонимы, образованные лексико-семантическим способом словообразования: лит. *Gudaĩ* (20), бел. *Гуды* (5) [11, с. 66].

В литовском, латышском и белорусском языках отмечается широкое взаимодействие этнонимических антропонимов с основой Гуд- с наименованиями поселений. При этом ойконим может зеркально отражать антропоним этнонимического происхождения: лат. антр. *Gūdas* → хутор *Gudas*. Однако наиболее частотным способом ой-

конимизации антропонимов является развитие у них формы множественного числа: лит. антр. *Gud-aitis* → ойк. *Gudaičiai* (7); антр. *Gudāšius*, ср. русск. *Гудашев* — ойк. *Gudāšiai* (2); антр. *Gudėika* → ойк. *Gudėikiai* (2); антр. *Gudėlis* → ойк. *Gudėliai* (72), ср. бел. ойк. *Гудзели*, *Гудоли*; антр. *Gudpnas* → ойк. *Gudpnai*.

В литовском языке отмечается трансонимизация, осложненная формантами *-iškė* (мн. ч. *-iškės*), *-iškis* (мн. ч. *-iškiai*); *-iškis* (мн. ч. *-iškiai*). Согласно исследователям, форманты *-iškė* (мн. ч. *-iškės*) «пришли в ойконимию через названия местности по фамилии или имени владельца или человека, который проживал в данном месте» [19, с. 12], ср.: лит. *Gūdiškė* (7), *Gūdiškės* (3), *Gudėliškė*, *Gudėliškės*, *Gūd-mon-iškė*. Отмечаются ойконимы с формантами *-iškis* (мн. ч. *-iškiai*), образованные от названий коллективов людей по наименованию места проживания или по имени их родоначальника [19, с. 12]: *Gūdiškis* (3), *Gudóniškės* (3).

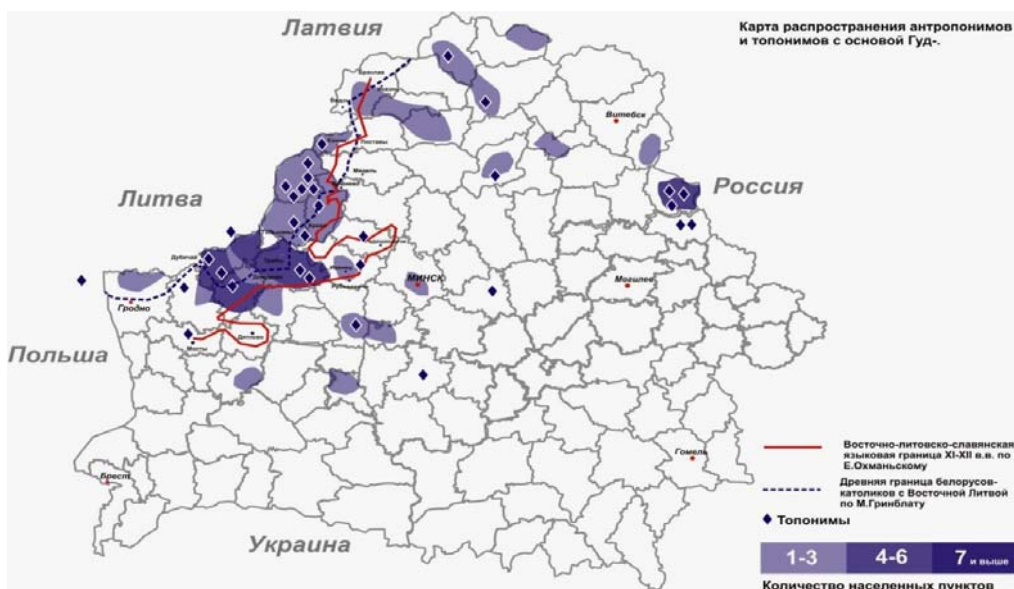
На территории Беларуси также зафиксировано значительное количество ойконимов с основой *Гуд-*. Выделяются две группы: 1)

ойконимы, образованные по литовской топонимической модели, характерные для смежных с Литвой районов Беларуси: *Гудалишкі*, *Гудзелишкі*, *Гудзінішкі*, *Гудзішкі* (2), ср. белорусские антропонимы с литовскими формантами: *Гудаль*, *Гудзель*, *Гудзень*, *Гудзеня*; 2) ойконимы со славянскими формантами: *Гудзевічы*, *Гўдавiчы* (*Гудовічы*), *Гудава*, *Новае Гудава*, *Зямянскае Гудава*, *Гўдаўшчына*, *Гудбўшчына*, *Гудзенікі* (ср. бел. фамилию *Гудовіч*).

На территории Литвы и белорусско-литовском пограничье отмечены сложные топонимы с основой *Gud-*: лит. *Gūd-a-kampis*: *kampas* ‘угол’, *Gūd-a-kiemis*: *kiėmas* ‘двор’, *Gūd-kaimis*: *káimas* ‘деревня’ [25, р. 94–95].

Распространение антропонимов и топонимов с основой *Гуд-* на территории Беларуси представим на карте.

В литовском языке представлен также переход антропонимов в гидронимы, которые как бы персонифицируют объект, что, вероятно, связано с явлением антропоморфизма, возникшего под влиянием дохристианского мировоззрения [31, с. 350].



Ср.: антр. *Gūdas* — гидр. *Gūdas*; антр. *Gud-én-as* — гидр. *Gudén-êlê*; *антр. *Gudónas* — гидр. *Gudōnas*. Зафиксированы также сложные гидронимы с родовыми наименованиями: лит. *ùpė* ‘река’, лат. *upe* то же; лит. *upėlis* ‘ручей, речка’, *ėžeras* ‘озеро’: антр. *Gūdas* — гидр. *Gūd-upis*, *Gūd-upelis*, *Gūd-upis*; гидр. *Gūd-ežeris*; антр. *Gudinės* — топ. *Gudiniškės* — гидр. *Gudiniškių upėlis*; антр. *Gudinės* — топ. *Gudinės* — гидр. *Gudinių upėlis*; антр. *Gudónis* — топ. *Gudónys* — *Gudonių ėžeras*; антр. *Gudėlis* — ойк. *Gudėliai* — *Gudėl-upis*; антр. *Gudžius* (*Gudžionis*) — *Gudžionys* — гидр. *Gudžionių ežerai*.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что диапазон исследования древней онимии может быть расширен. В основе формирования и развития древней онимии лежит взаимодействие ономастических макроконцептов — антропонимического концепта *человек* и топонимического концепта *пространство*, которое проявляется в многоаспектной трансонимизации разных разрядов древних имен.

Изучение аналогичных по форме онимов, различных типов связи в древней онимии позволит выделить древнейший слой собственных имен, представленный в онимических системах родственных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Другая интерпретация балтийских этнонимов, опирающаяся на этнолингвистический контекст, представлена в последних работах С. Карлюнаса, см. [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 2001. 672 с.
2. Дини П. У. Балтийские языки. М.: ОГИ, 2002. 542 с.
3. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): Дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. 389 с.
4. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1974. 447 с.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси: Сб. науч. трудов. Киев, 1980. С. 11–45.
6. Карлюнас С. Из проблематики формирования балтийских и славянских этнонимов // Slavistica Vilnensis, 1998. С. 7–28.
7. Кузавинис К. По поводу происхождения некоторых балтийских топонимов // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР: Тезисы докладов и сообщений. Рига: Зинатне, 1966. С. 85–87.
8. Отин Е. С. Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним — ойконим») // Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. 470 с.
9. Парфенова Н. Н. Русские фамилии конца XVI–XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). Сургут: РИО СурГПИ, 2001. 278 с.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
11. Рогалев А. Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории). Гомель: Бел. Агенство науч.-техн. и деловой информации, 1993. 168 с.
12. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Перемена, 2006. 172 с.
13. Топоров В. Н. Еще раз о неврах и селах в общепалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. *neur-: *nour- и *sel- // Onomastica Lettica 2, Rīga: Latviešu valodas institūtas, 2004. S. 152–231.
14. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1962. 270 с.
15. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 440 с.

16. Юркенас Ю. Ономастика как фрагмент лингвистической палеонтологии // Русистика и компаративистика: Сб. науч. статей. Вып. IV. Вильнюс; М.: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. С. 129–140.
17. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс: Ciklonas, 2003. 196 с.
18. Яковенко М. В. Трансонимизация как ономастическая универсалия // Λογος όνομαστική. 2009. № 1(3). С. 6–8.
19. Бірыла М. В., Ванас А. П. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 100 с.
20. Bednarczuk L. Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Millennium Lithuaniae MIX — MMIX, Kraków: Lexis, 2010. 311 s.
21. Būga K. Rinkiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla, 1958–1962. 3 t.
22. Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1954. 180 s.
23. Laučiūtė J. Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone // Baltistica 24, 1988. P. 56–61.
24. Lietuvių pavardžių žodynas / A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius: Mokslas, 1985–1989. 2 t.
25. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas/ Parengė Z. Noreika ir V. Stravinskas. Vilnius: Mintis, 1976. 2 d.
26. Rymut K. Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Kraków: Pol. Akad. Nauk, Inst. Języka Pol., 1999–2001. 2 t.
27. Schmid W. P. Baltische Gewässernamenn und das vorgeschichtliche Europa // Indogermanische Forschungen. 77. 1972. P. 1–18.
28. Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen: ein Beitr. zur balt. Philologie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1925. 204 s.
29. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius: Mokslas, 1981. 408 p.
30. Zinkevičius Z. Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. 840 p.
31. Zinkevičius Z. Lietuvių tautos kilmė. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 328 p.

REFERENCES

1. Ganzhina I. M. Slovar' sovremennyh russkih familij. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»; OOO «Firma «Izdatel'stvo AST»», 2001. 672 s.
2. Dini P. U. Baltijskie jazyki. M.: OGI, 2002. 542 s.
3. Dmitrieva L. M. Ontologicheskoe i mental'noe bytie toponimicheskoy sistemy (na materiale ruskoj toponimii Altaja): Dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2002. 389 s.
4. Zhuchkevich V. A. Kratkij toponimicheskij slovar' Belorussii. Minsk: Belorus. gos. un-t, 1974. 447 s.
5. Ivanov V. V., Toporov V. N. O drevnih slavjanskij etnonimah // Slavjanskije drevnosti. Etnogenez. Material'naja kul'tura Drevnej Rusi: Sb. nauch. trudov. Kiev, 1980. S. 11–45.
6. Karaljunas S. Iz problematiki formirovanija baltijskih i slavjanskij etnonimov // Slavistica Vilnensis, 1998. S. 7–28.
7. Kuzavinis K. Po povodu proishozhdenija nekotoryh baltijskih toponimov // Konferentsija po toponimike Severo-Zapadnoj zony SSSR: Tezisy dokladov i soobshchenij. Riga: Zinatne, 1966. S. 85–87.
8. Otin E. S. Toponimicheskaja metonimija (vid svjazi «gidronim — ojkonim») // Izbrannye raboty. Doneck: Donechchina, 1997. 470 s.
9. Parfenova N. N. Russkie familii kontsa XVI–XVIII vekov (po arhivnym istochnikam Zaural'ja). Surgut: RIO SurGPI, 2001. 278 s.
10. Podol'skaja N. V. Slovar' ruskoj onomasticheskoy terminologii. M.: Nauka, 1988. 187 s.
11. Rogalev A. F. Etnotoponimija Belarusi (na fone etnicheskoy istorii). Gomel': Bel. Agenstvo nauch.-tehn. i delovoj informatsii, 1993. 168 s.
12. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potentsial: Dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd: Peremena, 2006. 172 s.
13. Toporov V. N. Eshche raz o nevrah i selah v obshchebaltijskom etnojazykovom kontekste (narod, zemlja, jazyk, imja). Iz istorii i.-evr. *neur-: *nour- i * sel- // Onomastica Lettica 2, Rīga: Latviešu valodas institūtas, 2004. S. 152–231.

14. *Toporov V. N., Trubachev O. N.* Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja. M.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1962. 270 s.
15. *Unbegaun B. O.* Russkie familii / Per. s angl. M.: Progress, 1989. 440 s.
16. *Jurkenas Ju.* Onomastika kak fragment lingvisticheskoy paleontologii // *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. statej. Vyp. IV.* Vil'njus; M.: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. С. 129–140.
17. *Jurkenas Ju.* Osnovy baltijskoj i slavjanskoj antroponimiki. Vil'njus: Ciklonas, 2003. 196 с.
18. *Jakovenko M. V.* Transonimizatsija kak onomasticheskaja universalija // *Λογος όνομαστικη*. 2009. № 1(3). S. 6–8.
19. *Бірыла М. В., Ванас А. П.* Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 100 с.
20. *Bednarczuk L.* Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Millennium Lithuaniae MIX — MMIX, Kraków: Lexis, 2010. 311 s.
21. *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla, 1958–1962. 3 t.
22. *Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1954. 180 s.
23. *Laučiūtė J.* Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone // *Baltistica* 24, 1988. P. 56–61.
24. Lietuvių pavardžių žodynas /A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius: Mokslas, 1985–1989. 2 t.
25. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas / Parengė Z. Noreika ir V. Stravinskas. Vilnius: Mintis, 1976. 2 d.
26. *Rymut K.* Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Kraków: Pol. Akad. Nauk, Inst. Języka Pol., 1999–2001. 2 t.
27. *Schmid W. P.* Baltische Gewässernamenn und das vorgeschichtliche Europa // *Indogermanische Forschungen*, 77. 1972. P. 1–18.
28. *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen: ein Beitr. zur balt. Philologie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1925. 204 s.
29. *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius: Mokslas, 1981. 408 p.
30. *Zinkevičius Z.* Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. 840 p.
31. *Zinkevičius Z.* Lietuvių tautos kilmė. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 328 p.

Г. А. Калмыкова

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КАТЕГОРИЯ ЛОКАТИВНОСТИ

На материале немецкого языка рассматривается корреляция между категориями локативности и каузальной обусловленности, определяются ситуации, характерные для их синкретизма. Выявляется роль пространственного дейксиса и основные способы его репрезентации для причинно-следственных отношений в немецком языке. Описываются семантические типы предикатов, благодаря которым репрезентирован синкретизм локативности и обусловленности.

Ключевые слова: немецкий язык, причинно-следственные отношения, категория локативности, пространственный дейксис.

G. Kalmykova

Cause-And-Effect Relations and Locative Category

The article regards the correlation between two categories: locative and causative and the situations characteristic for their syncretism. The role of space deixis and the main means of its representation for German cause-and-effect relations are dwelt upon, and the semantic types